

F. 07381/2

MAGYAR NEMZETI MÚZEUM — IPARMŰVÉSZETI MÚZEUM

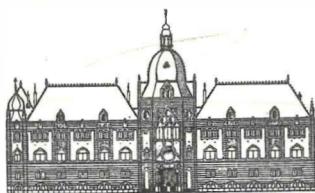
Revízió 2023
1.

AZ
IPARMŰVÉSZETI MÚZEUM
ÉVKÖNYVEI

III—IV.

1959

HÉM Könyvtár
20260127

KÉPZÖMŰVÉSZETI ALAP KIADÓVÁLLALATA
BUDAPEST 1960

Főszervező
DOBROVITS ALADÁR

Szerkesztőbizottság
DOBROVITS ALADÁR
HORVÁTH TIBOR
MAJOR GYULA

Szerkesztő
MAJOR GYULA

A fényképeket készítette
KÁRÁSZ JUDIT
az Iparművészeti Múzeum fotóátoratóriumában

TARTALOMJEGYZÉK

Dobrovits Aladár :	Az Iparművészeti Múzeum 1955–1959	5
Piroska Weiner :	Le plat de la force ; un plat d'étain français du XVI ^e siècle au Musée des Arts Décoratifs	13
Hedvig Szabolcsi :	Deux commodes de laque françaises d'époque Louis XV. au Musée des Arts Décoratifs	23
Sternegg Mária :	Iróalmáriumok Debrecenből	35
Héjjné Déteri Angéla :	Az öntöttvas gyűjtemény új szerzeményeiről	49
Komádi István :	Az Iparművészeti Múzeum szecessziós gobelinjei a gödöllői művésztelep tükrében	69
Árpád Somogyi :	Nouvelles données sur la staurothèque byzantine d'Esztergom	81
Kiss Ákos :	A mozaikkészítés néhány kérdéséről	101
Horváth Vera :	Egy XVI. századi bécsi kártya	111
Nékám Lajosné :	A köszegi volt jezsuita patika	117
Krisztíkovich Béla :	Az Iparművészeti Múzeum „alvinci” újkereszteny fajánzai	137
B. Koroknay Éva :	A vaknyomásos Corvina kötésekről	157
Egved Edit :	Az Iparművészeti Múzeum török zászlói	169
Tasnádiné Marik Klára :	A XIX. századi magyar keramika néhány problémája	179
Dömötör Sándor :	A szombathelyi múzeum török kendője	195
Marthe Schubert :	Une chasuble du XV ^e siècle au Musée des Arts Décoratifs	203
Soproni Olivér :	Régi magyar ólommázas kerámia	223
Judith Koós :	Un livre rarissime italien du XVI ^e siècle au Musée des Arts Décoratifs : le thesauro de scrittori	249
Dobrovits Aladár :	Az ipari formatervezés művészetének elmélete	273

HOPP FERENC KELETÁZSIAI MŰVÉSZETI MÚZEUM

Horváth Tibor :	Beszámoló a Hopp Ferenc Keletázsiai Művészeti Múzeum 1956–59. évi eredményeiről	281
Ervin Bakta y :	Report on a voyage of study to India 1956/57	287
Ласло Ференци :	Вопросы хронологии некоторых кавказских спорадических находок коллекции Зичи	303
Tibor Horváth :	The new acquisitions of the Francis Hopp's Museum	321
Каранчи Ласлонэ :	Неопубликованное бухарское седло в Музее Восточно-Азиатского Искусства Имени Ференца Хоппа	335
Murányiné Tóth Edith :	A Hopp Ferenc Keletázsiai Művészeti Múzeum újabb tibeti szerzeményei	341
Pajor Géza :	A Keletázsiai Művészeti Múzeum egyik újabb szerzeménye — egy rekeszszománc váza	353
Ju. A. Miller :	A Hopp Ferenc Keletázsiai Művészeti Múzeum „török” füstöljének meghatározása	363

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ КАВКАЗСКИХ СПОРАДИЧЕСКИХ НАХОДОК КОЛЛЕКЦИИ ЗИЧИ

Замечания, относящиеся к материалу коллекции Зичи, которые я изложил в введении моей статьи о находках, происходящих с долин Баксана и Чегема (35, стр. 321) еще более действительны в отношении кавказских спорадических находок коллекции Зичи. Последние были куплены Енё Зичи также во время его путешествия на Кавказ в 1895—1896 году и большей частью происходят из пяти мест, вернее областей. Это область р. Кубань, район Майкопа, Учкулан (у верхнего течения Кубани), Владикавказ (позднее Дауджикау, затем Орджоникидзе) и Тбилиси. Находки впервые были опубликованы Белой Поштой в 1897 г. (44, стр. 407—433, табл. I—XI). К сожалению, представляется так, что в некоторых случаях данные о их местонахождении не совсем точны. Даже выдающийся исследователь Кавказа А. А. Иессен так пишет о коллекции в одной из своих работ: «В составе собрания Зичи имеется ряд предметов, повидимому венгерского происхождения, включенных в его кавказскую коллекцию, вероятно, в результате грубой небрежности» (12, стр. 87, сноска 2.). Иессен здесь имеет в виду, в первую очередь, бронзовые кельты №№ 24—26, бронзовый нож № 34 и бронзовые серпы №№ 27—31, в кавказском происхождении которых он сильно сомневается.

Самыми древними спорадическими находками коллекции являются каменные полированные орудия из Маджар на Северном Кавказе (№№ 1—13, 44, табл. I рис. 5—7 и 9.). Они относительно малых размеров, длина их доходит до 2—8 см, их форма в большинстве случаев долотообразна. Немного большие по размерам каменные орудия, подобные по форме топору № 1, табл. I, 2, известны из нескольких кавказских местонахождений, так например, из Северной Осетии (18, стр. 45, рис. 9/1, 2), из Грузии (6, стр. 97, рис. 27/1), из Кабарды (7, рис. 2/1) и из Абхазии (24, стр. 265, рис. 6/2), и относятся к III тыс. до н. э. Очень много каменных полированных орудий мы знаем также и среди материалов ранней группы больших кубанских курганов. Е. И. Крупнов сравнивает осетинские находки со сланцевыми клиновидными топорами, частыми в ранний и средний этап трипольской культуры (18, стр. 46.). Надо отметить, что более развитый вариант орудий этого типа был в употреблении еще в начале медного века, в Майкопском этапе раннекубанской культуры (см. например, 11,

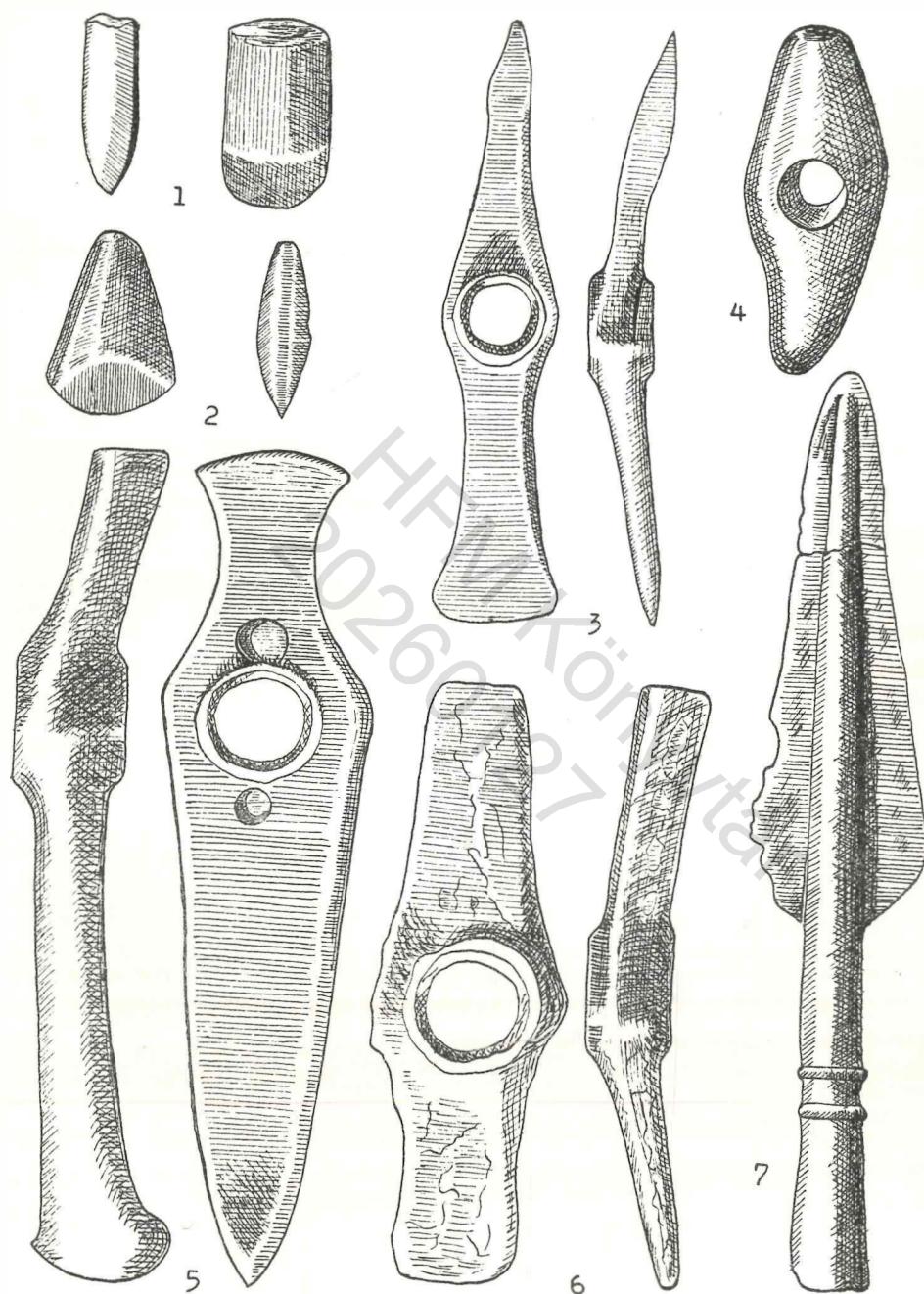
стр. 200, хронологическая таблица I, рис. 1), и можно предполагать, что позже некоторые плоские медные топоры подражали этой форме. Из местонахождений примерно того же времени нам известны аналогии и к продолговатым каменным топорам, табл. I, 1, (например, 24, стр. 255 1/1, 2 и стр. 265, рис. 6/1).

Каменный полированный проушной топор № 14 из Владикавказа, табл. I, рис. 4, относится скорее всего примерно к рубежу III и II тыс. до н. э. Экземпляр более развитой формы публикуют Тальгрен из кисловодских раскопок Самоквасова, упоминая о том, что установленная А. В. Шмидтом среднекубанская группа, к которой принадлежит большинство обнаруженных здесь находок, по его мнению, относится уже ко II тыс. до н. э. (47, стр. 127, рис. 1 и стр. 144), и с этим совпадает новое хронологическое разделение Иессена (11, хронологическая таблица). Более отличные каменные топоры с отверстием для рукоятки мы знаем из горной области Балкарии среди памятников второй стадии (2000—1000 до н. э.) по Иессену (7, стр. 18 и табл. 1, рис. 1, 2, 6) и из Дигории в Северной Осетии (16, стр. 41, рис. 8), датируемые серединой II тыс. до н. э. На последних мы не находим никаких следов употребления и, таким образом, они по всей вероятности, служили парадными топорами или знаками власти, и мы должны о них упомянуть, поскольку они показывают переходную форму от нашего экземпляра к бронзовым топорам более позднего времени.

К самым древним кавказским металлическим орудиям относятся находящиеся в коллекции пять медных орудий типа топора-кирки: № 19 из Кубанской облс., № 20—21 из Владикавказа, № 22 из Майкопской облс. и № 23 из Учкулана, табл. I, 5—6, табл. II, 4 и табл. I рис. 3. Среди них рабочий край топора № 19 и 20 является параллельным оси проушного отверстия, а рабочий край топоров № 21, 22, 23 и вероятно поврежденного № 22, является перпендикулярным к оси проушного отверстия. Обух орудий № 19 и 20 является молотообразным. Топора-кирки № 21 и 22 плоские, а обух № 23 оканчивается клювовидным отростком.

В связи с происхождением этих орудий скорее всего можно думать об аккадских боевых топорах, обе стороны которых были перпендикулярными. В Теле Гавре был обнаружен топор с пирамидальным обухом и оба рабочие конца его имели перпендикулярное направление удара. Д. Л. Коридзе публикует несколько медных клевцов из Закавказья, у которых стороны лежат в различных плоскостях. Это он объясняет тем, что закавказские топоры-клевцы употреблялись уже не как боевое оружие, а как хозяйствственные инструменты (14, стр. 135, рис. 1, стр. 138, рис. 2 и стр. 136). Закавказские клевцы находятся в генетической связи с ранними переднеазиатскими типами, являясь, по всей вероятности, местной кавказской продукцией, поскольку большей частью они найдены в богатых меднорудных районах. По мнению Коридзе, их химический анализ показывает на то, что они изготовлены из точно такого же материала, как и остальные восточногрузинские медные орудия того же времени.

При датировке закавказских клевцов Коридзе исходит из того, что Т. С. Пассек топор из Ерёжда относит к позднему периоду трипольской культуры, то есть приблизительно к рубежу III и II тыс.

до н. э. Упомянутые аккадская и тепе гаврская параллели указывают на первую половину III тыс. до н. э. и, таким образом, кавказские клевцы датируются Коридзе началом второй половины III тыс. до н. э. (14, стр. 136, 137).

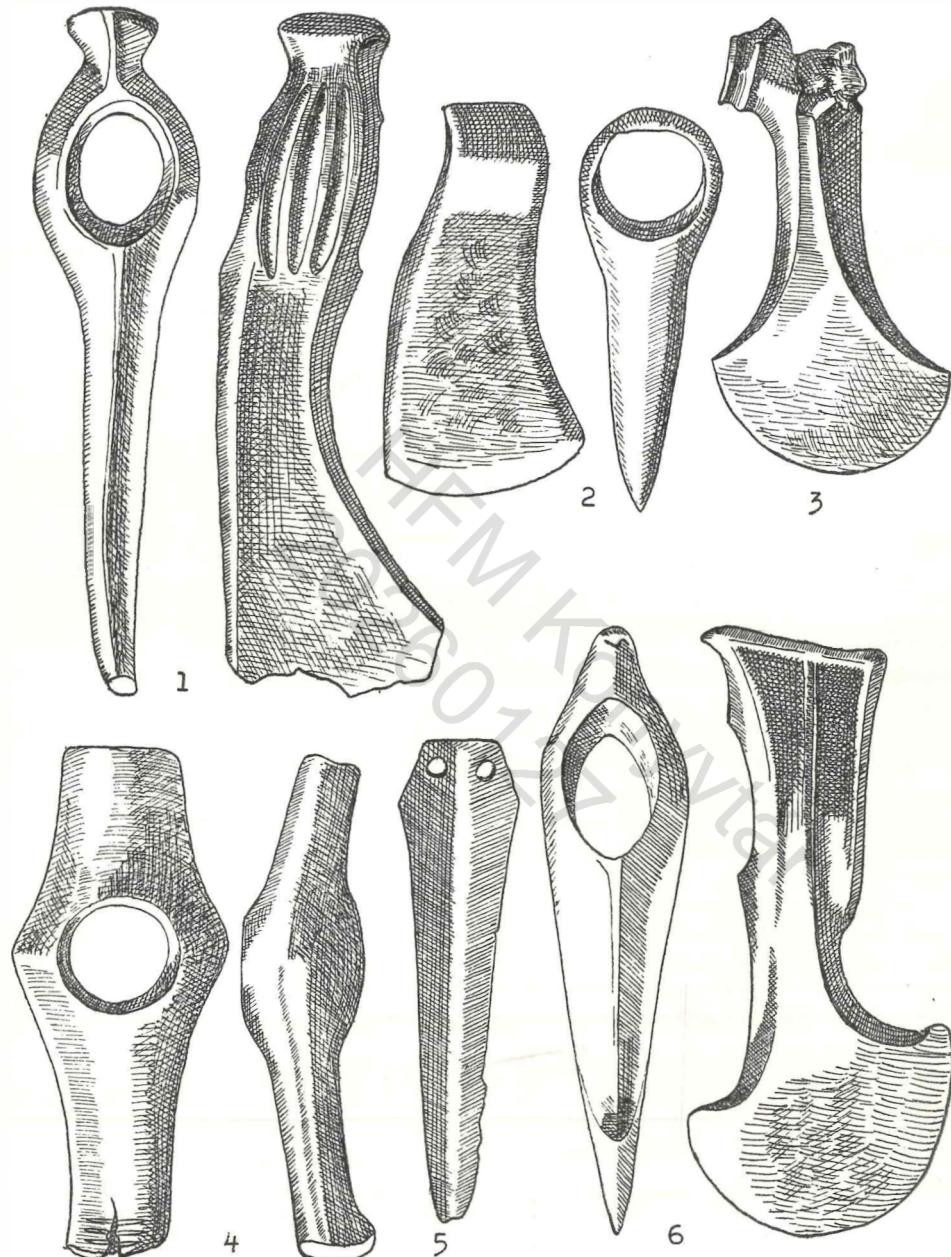
Для точной датировки топоров-кирок коллекции Зичи надо было бы знать больше северокавказских аналогий, однако представляется вероятным, что этот тип орудия здесь был более редким, чем в Закавказье. Среди материала больших кубанских курганов известны два топора-кирки, одну из которых (8, табл. XL рис. 2) можно сравнить больше всего с нашей киркой № 21; другая из Майкопа (11, табл. I, рис. 8) пока что не имеет себе аналогий.

Кубанские курганы датированы различными исследователями с большими расхождениями, начиная с медного века до появления скифов на Кавказе, по абсолютной хронологии, от IV. тыс. до VII. в. до н. э. Но в последнее десятилетие особенно в результате исследования Иессена решение этого вопроса продвинулось значительно вперед; но установление окончательной и точной хронологии можно ожидать только после новых археологических исследований и, главным образом, после раскрытия поселений и закавказских местонахождений. Весь круг проблем снова резюмировал и разработал Иессен в своей статье, опубликованной в 1950 г. (11). Группу больших кубанских курганов он уже в 1935 г. разделил на более ранний, Майкопский, и более поздний, Новосвободненский, этапы развития и отнес всю группу примерно к рубежу III и II тыс. до н. э., датируя первую подгруппу 2300—1900 г. до н. э., а вторую 2100—1700 (8, стр. 94, 11, гл. VI).

Те курганы, в которых были обнаружены упомянутые два топора-кирки, Иессен причислил к более раннему, Майкопскому этапу развития. Принимая во внимание раннее появление орудий такого типа в Передней Азии и их распространение на Кавказе в направлении к югу и северу, представляется вероятным, что северокавказские орудия немного более поздние, чем закавказские и являются приблизительно одновременными экземплярами, найденным в Кубанских курганах.

Интересные проблемы поднимаются в связи с прикубанскими проушными топорами №№ 17 и 18, табл. II, рис. 2. Этот тип топоров был довольно распространенным на Кавказе, особенно в Прикубанье, в Майкопских и Новосвободненских групах. В первой группе их форма несколько более удлиненная, а во второй обух топора часто свисает и лезвие изогнуто. (11, табл. I, 7 и табл. II, 6). Топоры, подобные этим экземплярам, публикует Тальгрен из Царской станицы (46, стр. 24, рис. 21/12), Иессен из Андрюковской станицы (11, табл. II, 6), Крупнов из Северной Осетии (16, стр. 39, рис. 7/7), Любин из Южной Осетии (25, стр. 15, рис. 1/4), Куфтин из южногрузинских Триалетских курганов (21, стр. 17, рис. 16/а). Они все относятся примерно ко времени рубежа III и II тыс. и к первой половине II тыс. до н. э.

Вопрос о происхождении этого типа топоров нельзя считать еще окончательно решенным, поскольку, хотя их раннее появление и частое присутствие в прикубанских курганах, а также и наши современные сведения о богатых кавказских месторождениях металлов и о

металлообработке делают вероятным их кавказское происхождение, мы не можем оставить без внимания и тот факт, что два родственных и все же различных типа топоров — с короткой проушиной и с длинной, выступающей по обеим сторонам проушиной — являются месопотамского и малоазийского происхождения, и уже появляются в этих областях в III тыс. до н. э. Из иранского местонахождения Тепе-Джамшид нам также известен один экземпляр, подобный нашему, датируемый приблизительно рубежом III и II тыс. до н. э. (45, рис. 249/53) с той разницей, что проушина сделана не способом литья, а кованым методом путем сгибания одного из крыльев топора.

Во всяком случае, проушные топоры широко распространены на Кавказе, сначала медные, а затем, со второй половины II тыс. до н. э. и бронзовые. Их основная форма возникла, по всей вероятности, из одного типа неолитических топоров. Куфтин возможный прототип так называемых кобанских или колхидских бронзовых топоров, очень часто встречающихся и характерных для первой половины I тыс. до н. э., видят в абхазских экземплярах. Проушные топоры распространены и в Восточной Европе; их местонахождениями на территории Венгрии в последнее время занимался Фридеш Кёсеги (42).

В связи с вышерассмотренными металлическими орудиями, общая, мы можем сказать, что они представляют собою большей частью материал, характерный для раннекубанской культуры, и их можно датировать в общих чертах временем от 2300 до 1900 г. до н. э. В Прикубанье в эту эпоху происходят значительные перемены. Развитие земледелия и скотоводства, освоение металлов, а также малоазийское, иранское и закавказское культурное влияние ускорили развитие варварского общества, и началось возникновение патриархально-родового общества. Причину культурного единобразия Малой Азии и Закавказья мы должны искать главным образом в том, что население этих территорий находилось примерно на одном уровне экономического и общественного развития.

Майкопский экземпляр медного ножа, двулезвийный и с короткой рукояткой № 32, табл. III, рис. 7, характерен для срубной культуры, являясь довольно редким для Кавказа. Подобные ножи известны по находке из станицы Крымской и по одной случайной находке из Осетии (12, стр. 88, рис. 14/1, 2), но подобные встречаются и в бронзе, например, в Северной Осетии (16, стр. 64, рис. 23/1, 2). Наш медный экземпляр, по всей вероятности, мы можем датировать, следовательно, второй половиной II тыс. до н. э. На Кавказе довольно редкими являются и степные ножи, так называемого киммерийского типа, лезвие которых походит на лезвие нашего экземпляра, но имеет цилиндрическую рукоятку и утолщение в верхней части лезвия.

Кавказское происхождение бронзового однолезвийного ножа № 34, майкопского, по описанию Белы Поща, по Иессену является сомнительным (12, стр. 95).

Пока мы располагаем небольшим количеством материала для разъяснения развития прикубанских кинжалов, и имеющиеся материалы не разработаны в достаточной мере. На основании имеющихся данных, представляется вероятным, что в позднебронзовом этапе в Прикубанье было в употреблении несколько типов кинжалов, которые

своими клинками, в большинстве случаев треугольной формы или с закругленным острием, снабженными срединными ребрами, походят друг на друга. Расхождение, главным образом, наблюдается в способе крепления рукоятки к лезвию; некоторые типы имеют короткий черенок, в других же он отсутствует, и рукоятка прикрепляется к клинку двумя-тремя заклепками. Близкий к прикубанскому кинжалу № 35, табл. II, 5, экземпляр нам известен из раскопок Н. И. Веселовского в станице Чамлыкской (30, стр. 39, рис. 60), которого Иессен сравнивает с кинжалом более архаического типа из станицы Бекешевской, хотя этот последний снабжен черенком (12, стр. 114—115, рис. 52/3). Подобные кинжалы опубликованы затем Күфтиным и Ниорадзе из Грузии (21, стр. 323 и 43, стр. 88, рис. 8/а), Крупновым из Каменномостского могильника в Кабарде (15, стр. 114, рис. 28/1) и из могильника Беахни-Куп в Северной Осетии (16, стр. 70, табл. VIII, рис. 1). Перечисленные аналогии относятся все к одному периоду, к концу бронзового века; наш кинжал мы можем датировать скорее всего примерно рубежом II и I тыс. до н. э.

Кавказское происхождение бронзовых кельтов № 24 и 26 и бронзовых серпов № 27—31 (44, табл. III, рис. 1—2, 5—8), которые по описанию Белы Пошта являются прикубанскими, Иессен подвергает самому сильному сомнению (12, стр. 87, сноска 2). К ним я также не нашел соответствующих аналогий среди кавказских материалов. Кавказские кельты вообще являются более широкими и имеют два ушка, а серпы имеют другую форму, и их выделка значительно проще наших.

На Кавказе довольно часты медные, бронзовые и железные наконечники копий. Они довольно единообразны по форме. По выделке втулки их можно разделить на две большие группы. Для первой, более архаической группы характерна выделка втулки способом ковки, причем с одной стороны снизу втулка не замкнута, в другой группе, которая представлена гораздо большим количеством экземпляров, клинок часто немного короче, и весь наконечник копья изготовлен литым способом, таким образом, втулка, круглая в сечении, полностью замкнута, постепенно утоньшаясь она доходит до конца клинка. Тот факт, что этот тип наконечников из меди, бронзы или железа с небольшими локальными изменениями можно встретить на широких территориях, указывает, что они были в употреблении в течение очень длительного периода. Их мы находим в Пиркубанье (Иессен отсюда перечисляет 22 экземпляра, 12, стр. 111—114 и 11, табл. V, рис. 6, 7), в Грузии (26, стр. 231, рис. 9/1), в могильнике Верхняя Рутха (17, стр. 76, рис. 10), Самтавро (45, рис. 277/1) в Цалкинских курганах, (20, стр. 28, рис. 17/2), в Кабарде (15, стр. 116, рис. 7, 8), в районе Русского Талыша (Ховил и Амарат, 45, рис. 226/2, 4, 5), в немного измененном варианте в Абхазии (24, рис. VIII/1, XV/6) и т. д.

Развитие этого типа на Кавказе можно проследить вообщем с позднего, Костромского этапа развития Среднекубанского периода начиная приблизительно с середины II тыс. до н. э. вплоть до начала железного века, когда подобная форма в железе изготавливается уже новым техническим способом ковки металла, подражая этому типу. Литой бронзовый наконечник копья № 40 с замкнутой втулкой, табл. I, 7, который отличается от описанного выше только тем, что на нижней

части втулки идут кругом два выступающих ребра, представляют форму, характерную в Кахетии. Более точные аналогии мы находим к югу от Прикубанья, в Закавказье, Мцхете и Самтавро (31, табл. 7; 13, табл. VIII; 24, табл. VI). Иессен также считает этот предмет импортированным с юга, из Закавказья (12, сноска на стр. 84). Перечисленные аналогии относятся к концу II тыс. и к первой четверти I тыс. до н. э., но наш экземпляр, судя по его развитой форме, можно датировать скорее началом I тыс. до н. э. Вопрос о происхождении этого типа нельзя считать окончательно решенным. Иессен кавказские экземпляры считает, по всей вероятности, местного происхождения (12, стр. 112); Крупнов из могильника Верхняя Рутха публикует и литейную форму. Кроме этого, нельзя оставлять без внимания факт, что подобные наконечники копий были в употреблении в Малой Азии (например, Ализар Хююк, 45, рис. 195/11), а также в районе Персидского Талыша (Таш Кепрю, 45, рис. 228) уже в первой половине II тыс. до н. э., что на половину тысячелетия ранее Кавказа.

Бронзовый кинжал № 48, табл. III, 5, отмеченный как прикубанский, по всей вероятности тоже является более южного, закавказского происхождения. Треугольная форма его клинка, орнамент на лезвии, полушаровидное навершие рукоятки с пробитым орнаментом — все это характерно для более южной территории. Такой же техникой были изготовлены бронзовые мечи подобной формы и украшения, которые чаще всего встречаются в Среднем и Восточном Закавказье и совершенно отсутствуют на Северном Кавказе и Западном Закавказье. В противоположность мечам, встречающихся только в богатых могилах, кинжалы являются более частыми и в бедных захоронениях. Подобные кинжалы нам известны из могил позднебронзового времени в восточногрузинском Мцхете (23, табл. VI) и среди материалов Арчадзорских курганов (22, стр. 138, рис. 2/11 и стр. 144, рис. 8/1, а также 39, стр. 51, рис. 1/а). Эти находки можно датировать началом I тыс. до н. э. Среди относящихся к тому же времени экземпляров мы знаем очень похожий тип кинжалов и из Азербайджана (28, стр. 15, рис. 3/г). Кинжалы с пробитым орнаментом на рукоятке, обнаруженные при последних раскопках в Мингечауре, отличаются от них тем, что клинок утолщенной своей частью примыкает к рукоятке (2, стр. 87, рис. 23/14—16).

Мы знаем из района Русского Талыша, из Хиверов, одно навершие рукоятки с пробитым орнаментом, из Редкин Лагеря кинжал с клинком другой формы, но с подобным навершием. Шеффер оба местонахождения датирует концом II тыс. до н. э. (между 1350 и 1000), замечая в связи с упомянутым навершием, что он более позднего происхождения (45, рис. 236/9 и 298/20 и стр. 424). В северных районах Кавказа такие кинжалы являются довольно редкими. Верхняя часть клинка кинжала, найденного в районе Баксан, который снабжен навершием с пробитым орнаментом, напоминает упомянутые мингечаурские экземпляры, но на нем еще имеется литое украшение (7, табл. II, рис. 5). Этот кинжал относится к памятникам северокавказского бронзового века в более точном смысле — конец II и начало I тыс. до н. э. Основываясь на этом, наш кинжал можно датировать концом бронзового века, началом I тыс. до н. э. Относительно нижнего

рубежа бытования таких кинжалов, можно принять во внимание, что в упомянутых Арчадзорских курганах еще совсем отсутствуют железные орудия и оружие, и там не найдено вещей ни урартского, ни скифского характера, что указывает на время более раннее, чем VII—VI в. до н. э. В одном конском захоронении могильника Головнино, датируемого VII—VI в., то есть временем приблизительно массового употребления железа, якобы был найден кинжал такого типа, но по мнению А. А. Мартиросяна, разрабатывающего материал могильника, является сомнительным принадлежность этого захоронения к могильнику, поскольку комплекс его находок не выяснен (27, табл. II, рис. 5 и стр. 75).

Среди спорадических находок имеется три бронзовых топора, которые принадлежат к кругу кобанско-колхидских топоров: топор № 41 из Учкулана в Западной Грузии, табл. II, 1, корпус которого слегка изогнут, рабочий край сильно расширен, проушенное отверстие овальной формы, на обоих сторонах имеется по четыре выступающих ребра, идущих продольно, топор заканчивается молотообразным обухом; топор № 42 из Владикавказа в Северной Осетии отличается от описанного выше тем, что его корпус прямее, лезвие изогнуто сильнее и ассиметрично, а заканчивается он наклонным срезом, табл. II, 6. Прикубанский топор № 54 от предыдущих двух топоров отличается тем, что он не плотного литья, а составлен из тонкой бронзовой пластины, внутренняя часть которой заполнена свинцом, табл. II, 3.

В связи с этими топорами, мы должны коснуться вопросов о кобанской и колхидской культур. Первые топоры, принадлежащие к этому кругу, были найдены в северо-осетинском верхнекобанском могильнике в 70-ые годы прошлого столетия. Могильник содержал материал, очень интересный с нескольких точек зрения. Он вызвал всеобщий интерес, и в конце столетия раскопки здесь продолжались вестись все в более расширенных масштабах. Значительную часть найденного материала опубликовал Вирхов (48), Шантр (36) и Уварова (34). Поскольку топоры такого типа были обнаружены впервые здесь, их называли «кобанскими топорами». По мере роста интереса к кавказским древностям, открывались все новые и новые могильники и все больше и больше находки подобного характера обнаруживались и в Западной Грузии, и представлялось так, что материал кобанской культуры представлен в Западной Грузии и Абхазии в большей мере, чем в Осетии, поэтому центры кобанской культуры стали искать в Западной Грузии. Иессен в работе о древне-кавказской металлообработке материал из Западного Закавказья уже делит на две группы, одна из которых характерна только для этой территории, а другая и для кобанской культуры. В отношении бронзового века он придает решающее значение западнозакавказской металлообработке (9, стр. 130 и сл.). И. И. Мещанинов установил понятие западногрузинской «колхидской» культуры, на территории которой, по его мнению, и следует искать центр кобанской культуры. Затем некоторые исследователи (среди них и Күфтин), сделали попытку упразднить термин «кобанской» культуры. Но в ходе новых археологических исследований на Кавказе стало ясным (и этого мнения сейчас придерживается большая часть исследователей), что вопреки многим родственным

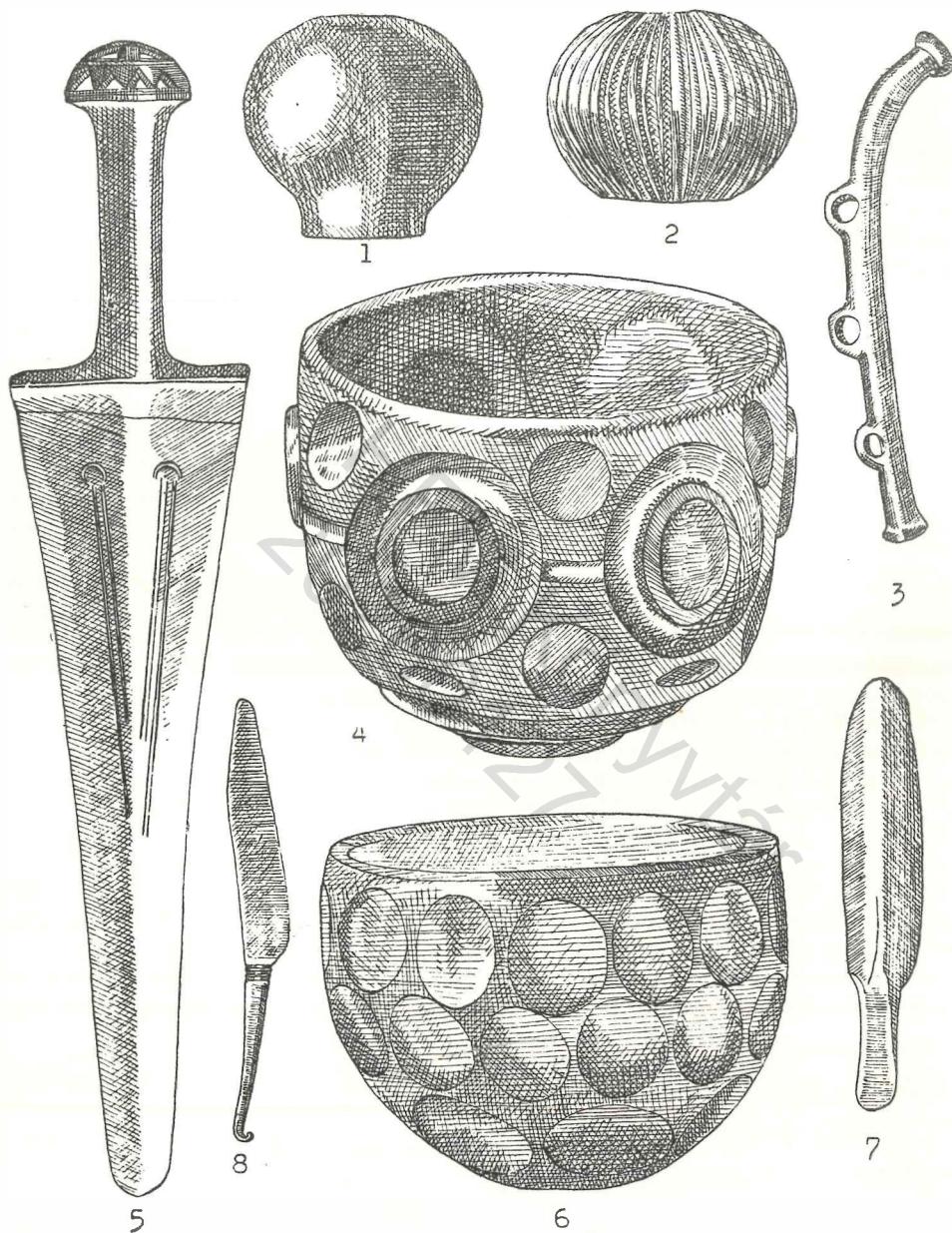
чертам кобанская и колхидская культуры не являются тождественными. В Западной Грузии был другим погребальный ритуал и отсутствуют большие орнаментированные булавки, поясные пряжки, характерные для кобанской культуры, и фибулы являются довольно редкими. Зато на Северном Кавказе отсутствуют бронзовые мотыги, некоторые топоры и т. д. Материал двух культур походит друг на друга больше всего в предметах вооружения, в топорах и кинжалах. Экономическая основа двух культур, по всей вероятности также была отличной: на Северном Кавказе господствовало скотоводство и на рубеже II и I тыс. до н. э. стали интенсивно использоваться высокогорные пастбища. В Колхиде, в противоположность этому, основой хозяйственной жизни являлось земледелие.

Родство, которое можно наблюдать в памятниках этих территорий соответствует и древней языковой общности местных племен. Племена, жившие в районах рек Терек, Кубань и Риони примерно до середины 1 тыс. до н. э. сохраняли свою принадлежность к одной языковой семье. Три большие позднебронзовые культуры, которые расцвели здесь около начала I тыс. до н. э.: прикубанская, кобанская и колхидская, различаемы и на основании новых результатов в области антропологии (1, стр. 361).

Распространение бронзовых топоров, характерных для колхидской культуры, на территории кобанской культуры, с некоторыми отличительными чертами, объяснялось теснейшими связями этих двух культур. Принимая во внимание их происхождение, лучше эти типы топоров, по мнению О. М. Джапаридзе, называть вместо «кобанских» «колхидскими».

Разные варианты колхидо-кобанских топоров несколько исследователей разделили с типологической точки зрения. Так Вирхов (48, стр. 81 и сл.), Шантр (36, стр. 42 и сл.), Уварова (34, стр. 14 и сл.), Ганчар (36) и в последнее время Джапаридзе (47) составили типологические таблицы. Из них классификация Уваровой была самой распространенной до недавнего прошлого. Уварова выделила 6 типов топоров, но среди них 2—2 по форме были совершенно одинаковыми, отличаясь друг от друга только размерами. Новое исследование Джапаридзе, кроме того, что он естественно, опирается на более богатый материал, представляется наиболее систематическим и обусловленным из всех классификаций.

Местонахождение топора № 41 — Учкулан — лежит в районе верхнего течения р. Кубани, но находится близко к территории распространения кобанской и колхидской культур. По разделению Уваровой, топор относится к широко распространенному типу «В» кобанских топоров, а по разделению Джапаридзе, его можно причислить к типу II. По мнению Иессена они представляют особый вариант и их можно тесно связать с топорами гилячских и агуровских находок области верхней Кубани и пицундских находок на побережье Черного моря. Эти последние отличаются от прикубанских экземпляров только тем, что проушное отверстие у них круглое, а не овальное. Основываясь на этом, Иессен с типологической точки зрения считает пицундские экземпляры более ранними, чем упомянутые прикубанские. По его мнению, эти топоры можно назвать верхнекубанскими,

т. к. вопреки тому, что с одной стороны они отличаются друг от друга, с другой, много общих черт связывает их с кобанскими, они отличаются от других групп кавказских топоров. По главным их деталям он эти топоры причислил к типу I кобанских топоров, связав теснее с группой «Д» Уваровой, в некоторых случаях с ее группой «В». По его мнению, можно предполагать, что прикубанские топоры были изготовлены на месте, но ранние экземпляры также встречаются западнее от верхнего Прикубанья. (12, стр. 103 и сл.) Все перечисленные находки принадлежат к позднекубанской группе и относятся ко времени около 1000 г. до н. э. (Самая старшая из них — пицундская находка); верхняя граница времени — 8—7 в. до н. э.

Крупнов считает самым характерным для прикубанской культуры другой тип топоров с более изогнутым корпусом, тип «Д» по Уваровой. По его мнению, топоры типа «В» и «Б» занимают переходное место между прикубанским типом «А» и «Д» (15 стр. 97). Наш топор действительно в меньшей степени отличается от типа «В» и «Б», чем от некоторых параллелей, публикуемых Иессеном. Вообще этот тип встречается в нескольких вариантах не только на территории распространения прикубанской и кобанской культур, но и в Колхиде, что означает, что он характерен не только для этих культур.

Литейная форма, служившая для изготовления более раннего варианта этого типа топоров, хранится в Майкопском музее (12, стр. 103, рис. 35), однако подобные литейные формы нам известны и из Северной Осетии (16, стр. 63, рис. 22). Эту последнюю находку Иессен относит ко второй стадии северокавказского бронзового века, однако по мнению Крупного и Куфтина, они ни в коем случае не могут быть древнее рубежа II и I тыс. до н. э. и являются самыми близкими предшественниками кобанских топоров. О литейной форме, служившей для изготовления второго типа, упоминает еще Джапаридзе из Мцхета (юго-западная Грузия) (4, стр. 287).

Упомянутый тип топоров хорошо известен, кроме Прикубанья и Западной Грузии, в Кабарде (например, 6 штук из Жемталы и Нальчика, 7, табл. II, рис. 1; 15, стр. 111, рис. 27) и из Абхазии (24, табл. X, 1, табл. XIII, 1, 2), из Мергелии и Сванетии, и является особенно частым, главным образом, в северных районах Колхида. Из всех колхидо-кобанских топоров этот тип меньше всего орнаментирован, и на многих экземплярах видны сильные следы употребления. Значит такие топоры могли употребляться как орудия труда, и этим объясняется широкая, сравнительно с другими, распространяемость их в различных районах Кавказа.

Топор № 42 представляет тип «Г» Уваровой или I тип, по Джапаридзе, который был распространен, главным образом, в Западной Грузии. Он является довольно частым и в Абхазии: А. Л. Лукин публикует подобные экземпляры из поселка Аагста, Гудаутского района, а также из деревень Куланурхви и Отхара (24, табл. III, 1—3, табл. X, 2 и стр. 53, рис. 4), Иващенко упоминает о таком типе из Эшери (41, стр. 105, рис. 21); этот тип нам известен и из Кабарды (11, табл. II, рис. 2/а, в и 15, стр. 87 рис. 20/3). Литейные формы, служившие для изготовления топоров такого типа были найдены в дер. Тагилоны в Грузии (4, стр. 287). На высокую степень развития металлообработки

указывает сложный геометрический орнамент с изображениями животных на этих топорах. Орнамент чаще всего сделан насечками, но встречается и инкрустация железом. Это особенно часто у рассматриваемого I типа.

Прикубанский топор № 54 сохранился во фрагменте, так что от него имеется примерно половина, в результате чего нельзя точно определить его принадлежность к какому-либо типу. Его лезвие изогнуто гораздо меньше, чем у предыдущего, а выделка корпуса напоминает больше всего сочинский экземпляр, опубликованный Иессеном (12, стр. 80, рис. 1) или вариант типа I, по Джапаридзе. Этот экземпляр вообщем технически совершенно отличается от остальных, поскольку он изготовлен не сплошным литьем, а его форму определяет только тонкая бронзовая пластина, внутреннюю часть которой заполняет свинец. Колхидский или кобанский топор подобной выделки мне не известен из специальной литературы. Тонкость бронзовой пластины (1—1,5 мм) делает совершенно невероятным, что этим топором пользовались как орудием труда. Колхида-кобанские топоры в большинстве случаев использовались как боевое оружие, но почти все типы можно найти в более грубой и массивной выделке, они служили орудиями труда. Кроме того на некоторых топорах нельзя найти никаких следов употребления и их лезвие не является тупым, именно на них то и часты орнаменты насечками и инкрустацией. Они могли служить в качестве или парадных топоров или являлись культовыми предметами, которые клались в могилу.

В вопросе о возникновении кобанской культуры существовали довольно большие разногласия среди различных исследователей, и они до сегодняшнего дня не могут прийти к общему мнению. Вирхов датирует кобанский могильник XI—X вв. до н. э. (48, стр 124), Шантрставил его в параллель с европейским ранним железным веком (36, стр. 187), Толстой и Кондаков снизили его границу до I столетия до н. э. (33, том III, стр. 109). Позднее однако установилась датировка, колеблющаяся в более узких пределах: Тальгрен, Ганчар, Иессен — все датируют могильник временем между концом II и началом I тыс. до н. э. В последнее время Крупнов в обобщающем труде датирует кобанскую культуру временем между XI и VII в. до н. э., включая сюда весь VII век, почти до VI века (17, стр. 82).

Большая часть исследователей согласна в том, что кобанскую культуру следует датировать рубежом II и I тыс. до н. э., и колхидскую культуру считают синхронной ей. Для более точной датировки колхидской культуры мы пока располагаем немногими данными, которые могли бы быть хорошо используемы, поскольку материальные памятники западногрузинской культуры мы знаем большей частью по спорадическим находкам. Хорошую опорную точку может нам дать колхидский топор, обнаруженный в захоронении Бешташенского могильника, принадлежащий к I типу по разделению Джапаридзе. Начальная дата этого могильника определяется Куфтиным XII—XI вв. до н. э. (21, стр. 68 и сл.); по мнению Шеффера, он существовал между 1300—1100 вв. до н. э. (45, стр. 271 и рис. 280/1). В ходе работ Мцхетской археологической экспедиции в захоронениях Самтаврского могильника также было найдено три топора колхидского типа. Те за-

хоронения, в которых были обнаружены топоры I и II типов, Джапаридзе датирует XIII в. до н. э., а Т. А. Ломтадзе в своей новой работе о Мцхетских раскопках упоминает их среди материалов, относящихся к первой половине I тыс. до н. э. (23, стр. 55 и табл. VIII). Обнаруженный топор III типа определенно происходит из более позднего захоронения, так как число железных находок в этой могиле превышает бронзовые. Относительно низшей даты колхидской культуры еще существует некоторое разногласие между отдельными исследователями: Куфтин время расцвета колхидской культуры датирует VIII веком (21, стр. 52); однако по мнению Джапаридзе, VIII век означает конец колхидской культуры и не ее расцвет, после чего в материалах уже доминируют железные вещи.

На основании вышесказанного, наш топор № 41 можно датировать скорее всего средним этапом позднекубанской культуры (XI—VII в. до н. э.), а топор № 42 — первой четвертью I тыс. до н. э. Топор № 54 можно отнести приблизительно к рубежу II и I тыс. до н. э. Вследствие фрагментарного состояния точнее установить датировку нельзя, хотя его сходство с сочинскими экземплярами скорее указывает на более раннее бытование.

В связи с колхидо-кобанскими топорами следует отметить также, что они местного, кавказского происхождения и их прототипы мы должны искать среди более древних каменных и медных топоров. Каменные топоры «пятигорского» типа были очень распространеными на Северном Кавказе в II тыс. вплоть до времени кобанской культуры. Гончар считает их прототипами колхидо-кобанских топоров (38, стр. 19). По мнению Джапаридзе, колхидские топоры возникли гораздо южнее и каменные топоры «пятигорского» типа могли служить прототипами только бронзовым топорам типа «Д» Уваровой, распространенным лишь на Северном Кавказе, и являющимся почти неизвестными в Грузии (4, стр. 290). Куфтин также стремился найти прототип колхидских топоров позднебронзового века южнее, в Колхиде, в одной группе ранних медных топоров, которые всех ближе к колхидским топорам I типа. Г. К. Ниорадзе видит прототип колхидских топоров в бронзовых топорах, обнаруженных в Квишари, в Западной Грузии, сделанных специально для погребальных целей (29, стр. 186). Вопрос нельзя считать еще разрешенным, но указанные мнения, по всей вероятности, являются обоснованными, поскольку топоры, которые относятся к середине II тыс. до н. э., показывают определенные родственные черты с колхидскими топорами.

Следует отметить также, что с появлением железа на Кавказе не прекращается употребление колхидо-кобанских бронзовых топоров. На это указывает, между прочим, присутствие железных топоров типа «Б» и «Г», по Уваровой, в могильнике Верхняя Рутха на Северном Кавказе (19, стр. 102, рис. 43/1, 2).

В связи с находками, относящимися примерно к концу II—началу I тыс. до н. э., следует еще отметить что в то время расцветает североавазский бронзовый век, в узком смысле слова, который характеризуется господством патриархального строя. В этот период в северных районах Кавказа можно наблюдать расцвет трех больших культур: от истоков Кубани до побережья Черного моря —

прикубанская культура, в центральных районах Северного Кавказа — кобанская культура и на территории Дагестана — каекенто-хоро-чаевская культура. С прикубанской и кобанской культурой находилась в самой теснейшей связи колхидская культура, расцветшая в областях к югу от них.

В связи с бронзовым псалием № 45, табл. III, рис. 3, я кратко отмечу, что после работ Галлуса-Хорвата (37) и Е. Харматта (40), в последнее время Иессен в обширной работе исследует доскифские удила. В этой статье наш экземпляр он причисляет к поздней группе псалий II типа и сравнивает его с псалиями подобной формы из Ростова и Якбхеди. В ростовском материале был найден подобный псалий вместе с удилами III (более позднего) типа. Такие находки уздеочек, когда узды III типа встречаются вместе с псалиями более архаического типа, Иессен относит к концу или ко второй половине VII века до н. э. (10, стр. 90 и сл.).

К более позднему сармато-аланскому времени относятся зеркала № 55—58. Относящимися сюда проблемами я занимался в другой статье (35, стр. 328—329).

В кавказском спорадическом материале коллекции Зичи богато представлены римские вещи императорского периода (фибулы, светильники, ручки от сосудов и т. д.), а также памятники раннего средневековья (пряжки, железные стремена, узды и т. д. (44, табл. VIII—XI). Из них я рассмотрю только стеклянные чаши. Чаша полушаровидной формы, украшенная заполированными кругами № 178, табл. III, 4, происходит из Хунзака в Дагестане, а чаша № 179 — из Прикубанья, табл. III, 6. Такие стеклянные изделия в первой половине I тыс. распространились по всей Европе, но особенно известны в Галлии и Прирейнских провинциях. Их находки в Северной и Восточной Европе дают нам указания о тогдашних торговых связях. Исследователи считают вообще чаши полушаровидной формы продукцией галло-прирейнских мастерских. Стеклянная чаша, совершенно сходная с чашей № 178 была обнаружена недавно во время раскопок городища Судагылан в Азербайджане, в культурном слое, датированном I—III в. н. э. (3, стр. 131, рис. 59/5). В последнее время Е. А. Сымонович опубликовал находки стеклянных сосудов из одного нижнеднепровского могильника, среди которых форма одной чаши соответствует нашему экземпляру, орнамент отличается тем, что заполированные эллипсы помещены в треугольных площадках, сделанных двумя линиями. То захоронение, в котором была обнаружена чаша, автором датируется III—V в. н. э., и в противоположность северо-западному торговому пути, идущему через Балтику, как предполагали раньше, автор находит более вероятным, что эти стеклянные изделия попали на Восток более южными путями, через Силезию и Паннонию (32, стр. 23, рис. 4—9 и стр. 28—30).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бунак В. В.* Черепа из склепов горного Кавказа. Сборник Музея антропологии и этнографии, XIV, 1953.
2. *Вайдов Р. М.* Археологические работы в Мингечауре в 1950 году. КСИИМК, 46, 1952, стр. 86—100.
3. *Вайдов Р. М.* Раннесредневековое городище Судагылан. КСИИМК, 54, 1954, стр. 127—139.
4. *Джапаридзе О. М.* Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 281—300.
5. *Джапаридзе О. М.* Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии. КСИИМК, 60, 1955, стр. 23—30.
6. *Джапаридзе О. М.* Краткий отчет об археологических разведках в Грузии в 1948 г. КСИИМК, 39, 1951, стр. 96—103.
7. *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, 3, 1941, стр. 7—38.
8. *Иессен А. А.* Древнейшая металлургия Кавказа и ее роль в Передней Азии. III. международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Ленинград, 1935, стр. 91—103.
9. *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия ГАИМК, 120, 1935.
10. *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 49—110.
11. *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 157—200.
12. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, 23, 1951, стр. 75—124.
13. Коллекция Кавказского музея, Изд. Г. И. Радде. Т. V. Тифлис, 1902.
14. *Коридзе Д. Л.* Новые находки медных орудий в Квемо-Картли. СА, 1958, 1, стр. 134—140.
15. *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. Москва, 1957.
16. *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии доокобанского периода. МИА, 23, 1951, стр. 17—74.
17. *Крупнов Е. И.* О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, 1, стр. 56—82.
18. *Крупнов Е. И.* Первые находки неолита в Северной Осетии. КСИИМК, 46, 1952, стр. 42—47.
19. *Крупнов Е. И.* Северокавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, 17, 1947, стр. 99—104.
20. *Куфтин Б. А.* К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. КСИИМК, 8, 1940, стр. 5—35.
21. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети, 1. Тбилиси, 1941.
22. *Кушнарева К. Х.* Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА, 27, 1957.
23. *Ломтадзе Г. А.* Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета. Тбилиси, 1955.
24. *Лукин А. Л.* Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды Отд. истории первобытной культуры, Т. 1, 1941, стр. 17—97.
25. *Любин В. П.* Археологическая разведка в окрестностях города Сталинира. КСИИМК, 60, 1955, стр. 14—22.
26. *Макалатия С. И.* Раскопки Двинского могильника. СА, XI, 1949, стр. 225—241.
27. *Мартirosyan A. A.* Раскопки в Головнино. Археологические раскопки в Армении, № 4. Ереван, 1954.
28. Материальная культура Азербайджана, I. Баку, 1949.
29. *Ниорадзе Г. К.* Археологические находки в селе Квишари. СА, XI, 1949, стр. 185—194.
30. Отчет археологической комиссии, 1898, в Гос. Историческом Музее.
31. *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Ленинград, 1949.
32. *Сымонович З. А.* Стеклянная посуда середины I. тысячелетии нашей эры с Нижнего Днепра. КСИИМК, 69, 1957, стр. 22—30.
33. *Толстой И. и Кондаков Н.* Русские древности. СПб. 1890.

34. Уварова П. С. Материалы по археологии Кавказа, VIII, 1900.
35. Ференци Ласло. К вопросам хронологии находок в коллекции Зичи, происходящих с долин Баксана и Чегема. Az Iparművészeti Múzeum Évkönyvei, II. 1955. Будапешт, 1946. стр. 321—332.
36. Chantre E.: Recherches paléoethnologiques dans le Caucase. Lyon, 1887.
37. Gallus S.—Horváth T.: Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Dissertations Pannonicae, Ser. II. 9. Budapest, 1939.
38. Hančar F.: Die Beile aus Koban. Wiener Prähistorische Zeitschrift, XXI. Wien, 1934.
39. Hančar F.: Kaukasus-Luristan. ESA, IX. Helsinki, 1934. стр. 47—112.
40. Harmatta J.: Le problème cimmérien. Archaeológiai Értesítő, Ser. III. T. VIII/IX. Budapest, 1948. стр. 79—132.
41. Ivaseenko M. M.: Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens. ESA, VII. Helsinki, 1932. стр. 98—112.
42. Kőszegi F.: Keleti tipusu bronzkori balták a Magyar Nemzeti Muzeumban. Folia Archaeologica, IX. Budapest, 1957. стр. 47-62.
43. Nioradze G.: Die Verwahrfund von Kvemo-Sasirethi. ESA. VII. Helsinki, 1932. стр. 82—97.
44. Pósta Béla.: Description de la collection archéologique. (Zichy E. Voyages au Caucase et en Asie Central, T. II.). Budapest, 1897.
45. Schaeffer C. F. A.: Stratigraphie Comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948.
46. Tallgren A. M.: Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental. ESA, IX, Helsinki, 1934. стр. 1—46.
47. Tallgren A. M.: Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit. ESA. VI. Helsinki, 1931. стр. 126—145.
48. Virchow R.: Das Gräberfeld von Koban. Berlin, 1883.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

КСИИМК	Краткие сообщения ИИМК.
МАК	Материалы по археологии Кавказа.
СА	Советская археология.

HFM Könyvtár
20260121

Felelős kiadó:

Nemes Béla

a Képzőművészeti Alap Kiadóvállalata igazgatója

Fő szerkesztő: D. Fehér Zsuzsa dr.

Felelős szerkesztő: M. Kabay Éva

Műszaki vezető: Szedlák György

Műszaki szerkesztő: Gellért Andor

Készült az MNOSZ 5601 – 54 sz. szabványra szerint,
B/5 alakban, 32 1/4 A/5 iv terjedelemben 1060 példányban
600131 Athenaeum Nyomda, Budapest (F. v. Soproni Béla)

ERRATA:

		Corrig.
P. 3	vovage	voyage
9	Radisich	Radisics
12	Enghinben	Enghienben
14	indentique	identique
18	d' indentifer	d' identifier
28	marbe	marbre
30	Saint-Antoine	Saint-Antoine
32	Ouvre	Oeuvre
33	Festetich	Festetics
44	Hedving	Hedvig
50	IN DEN	IN DER
55	Buchheim	Buchheim
66	székesfehérvárott	Székesfehérvárott
82	dex	des
93	1228128	122-128
102	mosivum	musivum
102	Balce	Blake
103	Shamonard	Chamonard
104	Shrenel Károly	Chernel Kálmán
121	pertimentium	pertinentium
124	Receptórum	Receptórium
128	Audera	Andrea
132	von Römerstein ..	von der Römerzeit ..
132	Ronobarokovy	Ranobarokovy
133	Loebenbe	Leobenbe
138	megyesi	medgyesi
140	Voith	Voit
140	1957	1657
141	Lovkovitz	Lobkowitz
143	nundis	mundis
146	Slatincanu	Slatineanu
148	confarmationalis	confirmationalis
149	Ukrajanban	Ukrajnában
154	Kbenhave	København
187	Széchenyi	Széchényi
172	korán idézet	Korán-idézet
188	Csatkay	Csatkai
200	Sabriensis	Sabariensis
221	volouir	voiloir
221	tessulo	tessuto
227	pourqui	pourquoi

233	Über germanische Habener	Oberungarische Habaner
236	Bácsa	Bócsa
240	Romanescae	Romaneasca
240	Mures-i	Hurez-i
240	Hurek	Hurez
240	Schmour	Seymour
249	Boegeng	Bogeng
255	Jorden	Jordan
258	incrits	inscrits
267	1468	1486
269	six	quatre
269	de gauche a droite	de droite a gauche
275	paeolitikum	paleolitikum
289	Kusingura	Kusinagara
290	Fig.3 Napalase . .	The Great Temple in Kanchipuram
291	Fig.4. Kailasanath etc.	Napalese Temple in Banaras
293	Fig.5. The Great etc.	Kailasanath Temple in Kanchipuram
290	(Fig.3.)	(Deleatur)
347	dreu-rgnog	dreu-rngog